

ЭМИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ОБРАЗ ПАТРИОТА В СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ СФО¹

Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев, Д. А. Казанцев

Шашкова Ярослава Юрьевна

E-mail: yashashkova@mail.ru. ORCID 0000-0002-6126-7097.

Асеев Сергей Юрьевич

E-mail: suass@mail.ru. ORCID 0000-0003-1095-4038.

Казанцев Дмитрий Анатольевич

E-mail: dimkazanchev@mail.ru. ORCID 0000-0001-7287-6413.

Алтайский государственный университет, Ленина проспект, д. 61, Барнаул, 656049, Россия.

Аннотация. В статье анализируются представления старших школьников регионов Сибирского федерального округа о содержании и нормативной модели патриотизма в контексте их установок на эмиграцию. На основании результатов массового опроса выявлено влияние эмиграционных установок учащихся 8–11-х классов на их самопозиционирование в качестве патриотов и доминирующую у них модель патриотизма. В ходе кластерного анализа были выделены семь кластеров, различающихся эмиграционными установками, патриотической самоидентификацией и нормативной моделью допустимых для патриота форм поведения. Установлено, что базовым критерием патриотизма школьники считают наличие или отсутствие желания переезда в другую страну. При этом отмечается преобладание в исследуемой молодежной среде стремления к внешней миграции при отсутствии на данный момент возможностей его практической реализации, на основании чего большинство школьников считают себя «непатриотами». Авторы подчеркивают, что среди учащихся сосуществуют модели «слепого» и «гражданского» патриотизма, соотношение которых детерминируется возрастом и уровнем жизни школьников. Деятельностное содержание патриотизма характерно только для кластера «патриотов», не рассматривающих для себя внешнюю миграцию, остальным группам более присуща эмоционально-созерцательная трактовка патриотизма. Особое внимание в статье уделяется исследованию структуры идентичностей каждого кластера и приоритетных для них оснований национальной идентичности. Выявлено преобладание у молодежи общероссийской идентичности при слабой выраженности региональной идентичности. Сделан вывод о наличии в сознании подростков регионов СФО своеобразного «замкнутого круга»: у большинства школьников ключевым фактором в пользу формирования желания эмигрировать выступает не доминирующая модель патриотизма и связанная с ней оценка общественно-политической ситуации в стране, а социально-экономические мотивы. В результате этого молодые люди нацеливаются на поиск лучших условий самореализации за рубежом, не считают себя «патриотами» и уже сознательно дистанцируются от сферы патриотического воспитания.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, миграция молодежи, идентичность, политические установки.

Введение

Расширение коммуникативных возможностей в условиях информационного общества способствовало глобальному восприятию мира современной молодежью и ее активному участию в миграционных процессах. В сочетании с растущим прагматизмом молодых людей это создает угрозу закреплению в их среде национально-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

государственной идентичности, не позволяет государствам быть уверенными в ре-эмиграции уезжающих на обучение или работу и в конечном итоге прогнозировать состояние человеческого капитала как фактора устойчивого развития.

Динамика социально-экономической ситуации и усиливающаяся внешнеполитическая конфронтация «мы–они» не могут одновременно изменить отмеченные тенденции ввиду продолжительности их формирования и мощной информационной поддержки в молодежной среде. Так, согласно данным общероссийских социологических исследований, установки на внешнюю миграцию в 2020 г. имели более половины молодых россиян², в то время как численность российских студентов, обучающихся за рубежом в том же году, оценивалась в диапазоне 50–60 тыс. чел.³ Общепризнанной проблемой остается и латентный характер реального масштаба и содержания молодежной миграции, так как вне поля статистики остается значительная часть пространственной мобильности молодых людей. Еще сложнее оценивать поведенческий потенциал эмиграционных установок старших школьников, не всегда объективно оценивающих свои ресурсные возможности. Специалисты отмечают, что на практике «воплощают свое намерение в жизнь не более 3% настроенных на эмиграцию» (Симонян, 2017, с. 318).

Специфику молодежной миграции имеют и регионы Сибирского федерального округа (СФО). Их удаленность, прежде всего от наиболее популярного западного направления обучения, и уровень жизни населения делают зарубежное образование недоступной траекторией для подавляющего большинства выпускников школ, что тем не менее не снижает их желания включиться в миграционные процессы.

На фоне активности государства по усилению патриотического воспитания молодежи, нацеленной на приоритетное формирование российской идентичности в ее державной трактовке, возникает вопрос о том, как видят образ патриота и содержание патриотизма молодые люди с разными эмиграционными установками и ресурсными возможностями. Ответ на него позволит оценить, насколько эффективно патриотизм выполняет свою роль по сохранению человеческого капитала российского общества.

В отечественной и зарубежной литературе миграционные процессы чаще всего рассматриваются во взаимосвязи с миграционными установками жителей отдельных территорий (Као, Сап, 2020; Garcia-Arias, Tolon-Becerra, Torres-Parejo, (2021), социопространственной идентичностью молодежи, социально-экономическими причинами и мотивами ее миграционной мобильности (Evans, 2016; Du, 2017; Карачурина, Мкртчян, 2017; Гунько, Медведев, 2018; Silva, Cortés-González, Braziené, 2021). Отдельной проблемой в публикациях выступает межгосударственная образовательная миграция молодежи как организационная основа ее последующей эмиграции (Байков, Лукьянец, Письменная, Ростовская, Рязанцев, 2018), анализируется трансформация ее масштабов и приоритетных направлений в период пандемии COVID-19 (Рязанцев, Очирова, 2021; Храмова, Маньшин, 2021).

² Пипия, К. (2020) От изоляции – к миграции. Ведомости. 03.06.2020. Режим доступа <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/03/831861-izolyatsii-migratsii>; Эмиграционные настроения – 2020: где родился, там и пригодился (2020). ВЦИОМ. Режим доступа <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya>

³ Global Flow of Tertiary-Level Students (2022). UNESCO. Institute for Statistics. Режим доступа <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>; Пандемия уменьшила поток российских абитуриентов за рубеж (2021). Независимая газета. Режим доступа https://www.ng.ru/economics/2021-04-19/1_8132_education.html

Вместе с тем в современной отечественной литературе наиболее часто изучается не внешняя, а внутренняя молодежная миграция. Приоритет здесь также отдается теме образовательной миграции как формы взаимодействия мегаполисов, развитых региональных центров и периферии (Кашницкий, 2020; Одинцов, Шипицин, Марченко, 2020; Карачурина, Флоринская, 2019; Вьяльшина, Дакирова, 2020).

В свою очередь, исследование патриотизма и патриотического воспитания направлено на выявление их роли в формировании гражданской идентичности как ценностной основы сохранения национального государства в глобализирующемся мире (Erez, Laborde, 2020; Campello, 2020; Ariely, 2017; Данакари, 2019; Мартынов, Фадеева, Габеркорн, 2020; Рожкова, Васильева, 2014; Селезнева, 2017; Селезнева, Антонов, 2020; Khimenes, Portil'o, Ardoy, 2021; Goode, 2021). Среди различных оснований типологизации патриотизма наиболее инструментальным подходом для анализа российской ситуации служит его деление на «слепой» и «конструктивный» (Маленков, Мальцева, 2020; Davidov, 2011; Sekerdej, Roccas, 2016). Для первого характерны привязанность к своей стране и беспрекословная ее положительная оценка, нетерпимость к критике своего государства, сочетаемые с ценностями консерватизма. «Гражданский», или «конструктивный», патриотизм соотносит любовь к своей стране с анализом и критикой существующего в ней положения и стремлением изменить его к лучшему (Schatz, Staub, Lavine, 1999). На этом фоне лишь отдельные авторы на основе локальных региональных кейсов рассматривают наличие взаимосвязи патриотизма молодежи и ее эмиграционных установок (Рожкова, Дубина, Влазнева, Сальников, 2020).

Цель представленной статьи — определить степень совместимости в сознании старших школьников регионов СФО эмиграционных установок и патриотической самоидентификации, корреляции данных установок учащейся молодежи со сформированными у них моделями патриотизма.

Эмпирической базой анализа выступили результаты проведенного Центром политического анализа и технологий Алтайского государственного университета под руководством и с участием авторов массового опроса учащихся 8–11-х классов 10 регионов Сибирского федерального округа (сентябрь 2020 г.). Объем выборки составил 2050 чел.; выборка несвязанная, квотная, с контролем возраста, класса, типа населенного пункта и региона проживания. Данные были собраны методом прямого анкетирования по месту учебы респондентов с последующей кластеризацией методом К-средних в программе SPSS.

Результаты исследования

Основанием кластеризации учащихся регионов СФО выступили их установки на эмиграцию, идентификация себя как патриотов, а также представления о допустимых стратегиях поведения патриотов. По этим переменным были выделены 7 кластеров (табл. 1). Увеличение числа кластеров делало модель более репрезентативной, но снижало ее объяснительную способность.

Кластер 1 (11,7% от общего объема выборки) объединил молодых людей, не считающих себя патриотами и желающих, но не имеющих возможности уехать из страны. В значительной мере это ученики 8-го класса в возрасте 13–14 лет, из семей с доходом 10–25 тыс. р., проживающие в административно-территориальных субъектах СФО.

Таблица 1. Конечные центры кластеров*

Table 1. Endpoints of clusters*

Показатель	Кластер						
	1	2	3	4	5	6	7
Желание переехать в другую страну**	4	2	3	3	4	2	4
Уклонение от службы в армии	4	2	3	3	5	3	4
Знание государственной символики	2	3	3	2	4	2	2
Уклонение от уплаты налогов	4	3	4	3	5	3	4
Наличие счетов и имущества за рубежом	4	2	4	3	5	2	3
Отказ от участия в выборах	4	2	3	3	5	2	3
Публичное высказывание мнения, не совпадающего с точкой зрения государства	4	2	4	2	5	1	3
Наличие второго гражданства	4	2	4	3	5	2	3
Работа в иностранной фирме	4	2	3	3	5	2	3
Критика власти своей страны	4	2	3	2	5	2	3
Незнание истории своей страны	4	3	4	3	5	3	4
Поддержка перемен в интересах общества	3	2	3	2	5	2	2
Чувство гордости за достижения страны на международной арене	2	3	3	1	5	1	1
Любовь и уважение к своему языку, культуре	1	3	3	1	5	1	1
Чувство привязанности к малой родине	2	3	3	2	5	2	1
Знание происходящих в стране событий и интерес к ним	2	3	4	2	5	2	2
Чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам	2	3	4	2	5	2	1
Считаете себя патриотом?	нет	нет	скорее нет	скорее нет	нет	скорее да	скорее да
Желание уехать из России	хочу уехать, но не имею возможности	хочу уехать, но не имею возможности	собираюсь уехать навсегда	хочу уехать, но не имею возможности	хочу уехать, но не имею возможности	собираюсь уехать временно	нет

Примечание. *В ячейках указаны наиболее встречающиеся в кластерах варианты ответов; **1 — полностью соответствует патриотизму; 2 — скорее соответствует; 3 — скорее не соответствует; 4 — полностью не соответствует; 5 — затрудняюсь ответить.

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Кем Вы себя в большей степени ощущаете?

Table 2. Who do you perceive yourself to be the most?

Варианты ответов	Кластер						
	1	2	3	4	5	6	7
Россиянином	52,5	28,9	46,9	46,7	26,9	47,3	62,3
Сибиряком	40,2	25,8	27,0	40,6	15,4	34,5	41,3
Гражданином мира	25,1	32,7	29,1	36,2	17,3	36,9	20,8
Жителем своего региона	27,9	15,7	26,5	18,3	13,0	19,8	24,6
Жителем своего города/района	39,7	34,6	34,7	33,9	23,6	28,0	36,5
Представителем своего этноса	19,2	16,4	16,8	22,0	8,7	24,1	25,1
Представителем своей конфессии	4,1	3,1	6,6	4,9	3,4	6,7	5,8

На прямой вопрос «Что Вы понимаете под патриотизмом?» почти половина подростков из данного кластера определили его как готовность к защите своей страны (63,0%), уважение традиций (50,2%), чувство долга и ответственности (45,2%), труд на благо своей страны (47,9%), уважение к истории страны и памяти прошлых поколений (52,1%), любовь к родной природе (49,3%).

Несмотря на то что представители данной группы не идентифицируют себя как патриоты, у них проявляются все основные признаки «слепого» патриотизма: не допускают для патриота переезд в другую страну, наличие второго гражданства, счетов и имущества за рубежом и работу в иностранной фирме; с нетерпимостью относятся к неисполнению гражданских обязанностей, критике власти своей страны, поддержке перемен в интересах общества и даже публичного высказывания мнений, не совпадающих с точкой зрения государства (табл. 1).

Категоричная, без полутонов трактовка образа патриота, характерная для их возраста, вступает в конфликт с обусловленным социально-экономической ситуацией желанием переехать в другую страну, в результате чего представители данного кластера не идентифицируют себя как патриотов (табл. 1). В то же время в нем преобладает общенациональная идентичность (табл. 2) на основе формальных признаков общего государства и языка (табл. 3).

Исходя из отмеченных противоречий в сознании школьников, их стремление уехать из страны можно рассматривать как поиск условий для самореализации, что позволяет оценивать эту молодежь, учитывая ее юный возраст, как потенциальную среду для провластной мобилизации в случае обеспечения государством их интеграции в социальные группы с удовлетворительным социально-экономическим положением внутри страны.

Кластер 2 (8,5% от общего объема выборки) также образуют школьники, не идентифицирующие себя как патриоты и желающие, но не имеющие возможности уехать из России. В отличие от кластера 1, в него попали в основном, учащиеся 9-х классов мужского пола в возрасте 14–15 лет. По региональному распределению

Таблица 3. Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми россиянами?
Table 3. Which of these things connects you most with all Russians?

Показатели	Кластер						
	1	2	3	4	5	6	7
Общее государство	53,4	39,6	40,8	48,4	37,0	42,5	43,0
Ответственность за судьбу страны	16,9	13,8	13,8	15,9	8,7	22,9	24,9
Родственные и дружеские связи	15,5	20,1	19,9	16,5	12,5	18,6	18,4
Историческое прошлое	21,9	18,2	20,4	20,9	11,5	25,9	26,6
Родная земля, территория, природа	35,6	25,8	31,1	32,2	26,9	37,2	38,6
Родной язык	45,7	31,5	43,4	32,5	35,6	39,6	35,5
Культура	26,0	20,1	29,1	26,1	17,3	31,1	32,6
Общие символы, флаг, герб	22,8	15,7	16,8	17,7	13,9	23,2	43,0
Обычаи, праздники	26,0	22,0	27,6	23,2	19,7	29,0	26,1
Черты характера	7,3	8,8	10,7	7,8	8,2	11,0	10,1
Ничего не объединяет	1,4	10,7	7,7	2,0	10,6	2,7	1,7

он включает каждого десятого опрошенного из Томской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей. Интересно, что данный кластер внутри сильно поляризован по уровню доходов семей — значительную долю в нем составляют подростки из семей с доходом до 10 тыс. и свыше 40 тыс. р.

Их трактовка патриотизма близка к «гражданской» модели, так как они считают свойственным патриоту активное проявление своей гражданской позиции: критику власти своей страны, публичное высказывание мнения, не совпадающего с точкой зрения государства и поддержку перемен в интересах общества (табл. 1). Две трети (65,4%) из них оценивают ситуацию в стране как не соответствующую их ожиданиям, что выступает дополнительной детерминантой формирования установки на внешнюю миграцию.

На прямой вопрос «Что Вы понимаете под патриотизмом?» треть представителей этого кластера назвали любовь к родной природе, уважение традиций, истории страны и памяти прошлых поколений, готовность к защите своей страны, 29,6% — бережное отношение к культуре своего народа и 28,9% — труд на благо своей страны. При этом они допускают для патриота уклонение от гражданских обязанностей в виде участия в выборах, уплаты налогов и службы в армии (табл. 1), что вместе с отмеченным преобладанием эмоциональных оснований патриотизма, делает данную молодежь потенциальным носителем модели «пассивного» патриотизма (Магарил, 2016, с. 146), характерного для многих соотечественников, проживающих за границей.

В этом кластере не прослеживается четкая иерархия идентичностей при равной представленности «жителей своего города», «граждан мира», «россиян» и «сибиряков» (табл. 2). Нет и преобладающего основания идентификации себя с другими

россиянами — лидирующие в перечне варианты «общее государство» и «родной язык» указали менее половины опрошенных (табл. 3).

Кластер 3 (10,5% от общего объема выборки) представлен посчитавшими себя «скорее непатриотами», которые определенно собираются покинуть Россию навсегда. Он, также как и кластер 2, преимущественно мужской (число юношей в нем в полтора раза превышает число девушек), а возраст варьируется от 13 до 15 лет. При этом можно предположить, что желание уехать из страны связано в данном кластере не столько с реальными возможностями семей (в него преимущественно входят подростки из семей с доходом до 15 тыс. р. на человека), сколько с надеждой на перспективы улучшения своего положения после эмиграции.

Отличительной чертой этой группы является близость к кластеру 1, но с более сглаженными оценками по большинству признаков «слепого патриотизма» (выбирают ответы «скорее не соответствует»). Его представители не считают важными информационный и эмоциональный компоненты патриотизма, но при этом довольно категорично указывают, что патриот не должен иметь второе гражданство, счета и имущество за рубежом и публично высказывать мнение, не совпадающее с точкой зрения государства (табл. 1). Их уход от крайних позиций можно рассматривать как самооправдание своей готовности уехать из страны навсегда, поэтому приспособление к обстоятельствам при поиске лучших условий жизни они видят возможным для всех.

К сущностным чертам патриотизма подростки из этого кластера отнесли готовность к защите своей страны (42,3%), уважение традиций (41,8%), труд на благо своей страны (38,8%), уважение истории страны и памяти прошлых поколений (35,7%), чувство долга и ответственности (34,2%). Тем самым можно говорить о совмещении в кластере элементов «слепого» и «пассивного» патриотизма. На это указывают и доминирующие у респондентов основания идентификации себя с другими россиянами: родной язык, общее государство, родная земля, территория и природа, культура, обычаи и праздники (табл. 3), а также иерархия их идентичности: «россияне» — «жители своего города» — «граждане мира» — «сибиряки» (табл. 2).

Рассмотрение выделенных эмоционально-культурных компонентов патриотизма в данном кластере в контексте эмиграционных установок его представителей позволяет трактовать их как не до конца осознаваемый (с учетом возраста группы) потенциальный поиск устойчивых основ жизни в другой стране, когда культура и традиции могут снижать уровень «страха неизвестности» и стать преобладающим фактором взаимодействия с соотечественниками, оказавшимися в схожей ситуации.

В *кластер 4* (18,5%) вошли те, кто идентифицировал себя как «скорее не патриоты», хотели бы уехать из России, но не имеют такой возможности. Этот кластер, наоборот, больше женский, чем мужской, с возрастной группой 15–17-летних (по 18–23% от общей численности данных категорий), обучающихся в 10–11-х и частично 9-м классах. Интересно, что его представители примерно в равной доле (каждый пятый) представлены во всех категориях семей с доходами до 40 тыс. р. Территориально кластер 4 больше всего локализован в приграничных регионах — Республике Тыва (28,3% от числа опрошенных в республике), Республике Алтай (23%), Омской области (21,6%) и Алтайском крае (20,9%).

В трактовке содержания патриотизма у представителей этого кластера преобладает эмоционально-информационный аспект (табл. 1). В качестве черт патриотиз-

ма 60,6% опрошенных выделили уважение к истории страны и памяти прошлых поколений, около половины респондентов — чувство долга и ответственности, бережное отношение к культуре своего народа, уважение традиций и любовь к родной природе, 34,5% назвали гордость за военное прошлое и настоящее страны. Характерные и для других кластеров категории «готовность к защите своей страны» и «труд на благо своей страны» отметили 55,9% и 51,3% респондентов соответственно.

При этом подростки из этого сегмента тяготеют к «конструктивному» патриотизму, считая скорее возможным для патриота критику власти своей страны, поддержку перемен в интересах общества и публичное высказывание мнений, не совпадающих с точкой зрения государства (табл. 1), чаще, чем в других кластерах, идентифицируют себя как «граждане мира» (табл. 3).

Значимая доля в кластере представителей национальных республик актуализирует в нем и этническую идентичность, а также объясняет факт выбора третью учащихся в качестве оснований идентификации родной земли, территории, природы и родного языка.

Кластер 5 (11,1%) по базовым критериям кластеризации схож с кластерами 1 и 2 — это «непатриоты», желающие, но не имеющие возможности уехать из страны. Юношей в нем в два раза больше, чем девушек, преобладают подростки в возрасте 14–15 лет, проживающие в Республике Тыва (17% опрошенных в регионе), Новосибирской (15,9%) и Омской областях (14,9%), а также каждый десятый учащийся 8–11-х классов из республик Алтай, и Хакасия и Кемеровской области.

Отличительной особенностью данного кластера состоит в том, что его члены не имеют четких представлений о патриотизме или не пожелали их озвучить публично — «скрылись» за вариантом «затрудняюсь ответить». Также 31,7% респондентов вообще не смогли назвать ни одной черты патриотизма, около трети определили его как уважение традиций или как любовь к родной природе, по 30,8% человека — как труд на благо своей страны, уважение к ее истории и памяти прошлых поколений и готовность к защите своей страны. Единственным однозначным критерием размежевания патриот/непатриот в кластере остается вопрос переезда в другую страну, по мнению подростков, категорически недопустимый для патриота (табл. 1).

Входящие в эту группу учащиеся не смогли определиться и по остальным параметрам анализа: только треть опрошенных указали, что с остальными россиянами их объединяет общее государство и родной язык, 26,9% — родная земля и природа (табл. 3). В вопросе идентификации наибольшее значение получила позиция «россиянин», которую выбрали лишь четверть респондентов, 23,6% отметили свою локальную идентичность, в то время как большинство опять же не определилось по данному вопросу (табл. 2).

Также опрос показал, что представители кластера дистанцируются и/или не охвачены системой патриотического воспитания — 84,1% из них за последние два года не принимали участия ни в каких мероприятиях патриотической направленности.

Кластер 6 (17,5%) объединил молодых людей, считающих себя «скорее патриотами» и собирающихся временно выехать за пределы страны. В нем больше юношей, чем девушек, учащихся в возрасте 16–17 лет (по 22,4% от общей численности данных категорий), обучающихся в 11-м классе. Основная часть из них — выходцы из семей с доходами от 10 тыс. р. на человека, территориально представленные

в Кемеровской (21,4% от опрошенных в регионе), Омской (20,4%), Иркутской (18%), Новосибирской (17,4%) областях и в Красноярском крае (19,5%).

Данный кластер можно определить по аналогии с кластером 4 как носителей модели «гражданского» патриотизма, с ее однозначным признанием за патриотом права на публичное высказывание мнения, не совпадающего с позицией государства, допущением для него возможности критики власти своей страны, поддержки перемен в интересах общества (табл. 1).

В трактовке содержания патриотизма они отдают приоритет эмоциональной привязанности к своей Родине, в связи с чем в их модели патриота большую роль играют любовь и уважение к своему языку и культуре, чувство гордости за достижения своей страны на международной арене.

Свое будущее эти респонденты видят в сохранении связи с Россией, не исключая при этом для патриота возможности переезда в другую страну, второго гражданства, наличия счетов и имущества за рубежом (табл. 1).

Основаниями национального единства россиян для них выступают социокультурные факторы: родной язык, родная земля и природа, культура, обычаи и праздники, а также историческое прошлое (табл. 3).

Характерный для членов данного кластера симбиоз оценки себя как патриотов с установками на временную миграцию из страны приводит к наличию у них сложной структуры идентичностей, когда 47,3% определяют себя как россияне, 36,9% — как граждане мира, 34,5% — сибиряки, около четверти имеют локальную и этническую идентичности.

Кластер 7 (22,1%) образовали самоидентифицировавшиеся как «патриоты», которые не рассматривают для себя отъезд из страны. Они представлены в равной степени юношами и девушками (по 11%), возрастной группой 16–17 лет (28,3% от общей доли 16-летних и 25% 17-летних), учениками 10–11-х классов. На данный кластер приходится не менее 17% учащихся в каждом из регионов СФО.

Специфика территориального распределения кластера соотносится с особой структурой идентичностей его представителей: 25,1% определяют себя как представители своего этноса, 36,5% имеют локальную идентичность, 24,6% — региональную. Как россияне себя идентифицируют 62,3%, как сибиряки — 41,3%. На этом фоне доля носителей глобальной идентичности уступает большинству кластеров (табл. 2). Соответственно, основаниями национальной идентичности учащиеся указали общее государство и общие символы, родную землю и природу, родной язык, историческое прошлое, обычаи и праздники, ответственность за судьбу страны (табл. 3).

Для 68,1% опрошенных патриотизм выражается в готовности к защите своей страны, причем для 44,2% — в готовности к самопожертвованию ради нее, что не встречается в других кластерах. Также только для данного кластера характерен высокий (более 60%) уровень охвата и системной вовлеченности его членов в сферу патриотического воспитания.

Исходя из всех указанных особенностей, представителей кластера 7 можно рассматривать как продукт формируемой государством деятельностно-ретроспективной модели патриотизма. Кроме того, сочетание у них сглаженной или «мягкой» версии «слепого» патриотизма (аналогичной кластеру 3) с сильным акцентом на локальную идентичность закрепляет в их сознании категоричное требование для патриота любить и уважать свой язык и культуру, испытывать чувство привязанности к малой родине (табл. 1).

Выводы

Ценностные и поведенческие особенности «перемещающегося поколения» ставят проблему значимости патриотизма в общественном сознании. Наиболее целенаправленно трансляция патриотических ценностей осуществляется в школьном возрасте, так как это период активной социализации и высокой формальной организованности молодых людей. Вместе с тем современные школьники рано делают ключевые выборы относительно перспектив своего будущего и далее рационально выстраивают свою жизненную траекторию, определяя в соответствии с ней отношение к патриотизму и патриотическому воспитанию.

Сравнительный анализ кластеров, полученных на основе соотнесения образов и моделей патриотизма старших школьников регионов СФО с их установками на внешнюю миграцию, позволил авторам выделить несколько тенденций, актуальных на начало 2022 г. Во-первых, было установлено, что с возрастом у подростков растет прагматизм восприятия горизонта возможностей, снижая их готовность эмигрировать и внутренний конфликт между желанием уехать и формируемым школой и СМИ нормативным образом патриота.

Во-вторых, значимую роль в формировании установок на эмиграцию и выборе модели патриотизма для школьников играют уровень жизни семьи и социально-экономические показатели регионов. «Слепой» патриотизм более распространен среди молодежи из семей с доходами от минимального до среднего уровней, в национальных республиках и регионах с аграрной специализацией. «Гражданский» патриотизм, сочетающийся со стремлением эмигрировать, чаще характерен для подростков из семей с доходами выше среднего уровня и из промышленно развитых регионов.

В-третьих, ключевым фактором размежевания самооценок школьников на «патриотов» и «непатриотов» служит соотнесение ими образа патриотизма с собственными установками на эмиграцию: патриотами себя считали только те, кто не планировал вообще или на длительный срок разрывать свою связь с Родиной. Если учитывать, что у значительной части молодежи решающим фактором в пользу формирования желания эмигрировать выступали социально-экономические мотивы, то можно говорить о наличии в молодежной среде своеобразного замкнутого круга — подростки нацелены на поиск лучших условий самореализации, в частности, за рубежом, и считают себя в связи с этим «непатриотами», в конечном итоге уже сознательно исключаясь из сферы патриотического воспитания.

И хотя миграционные установки большинства старших школьников нельзя рассматривать как predetermined проекцию их дальнейшего поведения, особенно в условиях нарастания внешнеполитической конфронтации, проведенное исследование позволяет констатировать, что без расширения горизонта социально-экономических возможностей молодежи государство не сможет остановить ее мотивированный отток за рубеж и обеспечить эффективное формирование патриотических ценностей.

Библиографический список

- Байков, А. А., Лукьянец, А. С., Письменная, Е. Е., Ростовская, Т. К., Рязанцев, С. В. (2018). Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия. *Социологические исследования*, 11, 75–84. DOI: 10.31857/S013216250002787-8

- Вяльшина, А. А., Дакирова, С. Т. (2020). Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ. *Регионоведение*, 28(1), 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183
- Данакари, Р. А. (2019). Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 24(5), 193–204. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.5.14
- Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. (2017). Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России. *Регион: Экономика и Социология*, 4(96), 101–125. DOI: 10.15372/REG20170405
- Карачурина, Л. Б., Флоринская, Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 6, 82–89.
- Магарил, С. А. (2016). Смыслы патриотизма — исторические трансформации. *Социологические исследования*, 1, 142–151.
- Маленков, В. В., Мальцева, Н. В. (2020). Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения. *Социология*, 5, 152–162.
- Мартынов, М. Ю., Фадеева, Л. А., Габеркорн, А. И. (2020). Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*, 2, 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08
- Одинцов, А. В., Шипицин, А. И., Марченко, А. Ю. (2020). Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788
- Рязанцев, С. В., Очирова, Г. Н. (2021). Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19. *Социальное пространство*, 7(4). DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3
- Рожкова, Л. В., Васильева, Н. Д. (2014). Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(121), 123–129. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.08
- Рожкова, Л. В., Дубина, А. Ш., Влазнева, С. А., Сальников, О. В. (2020). Патриотизм и эмиграционные установки молодежи в современных условиях. *Человек. Общество. Инклюзия*, 2(42), 17–27.
- Селезнева, А. В. (2017). Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 38, 200–208. DOI: 10.17223/1998863X/38/20
- Селезнева, А. В., Антонов, Д. Е. (2020). Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 58, 227–241 DOI: 10.17223/1998863X/58/21
- Симонян, Р. Х. (2017). Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект. *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*, 6, 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16
- Храмова, М. Н., Маньшин, Р. В. (2021). Международная миграция в эпоху пандемии COVID-19. *Социологические исследования*, 2, 159–162. DOI: 10.31857/S013216250013754-2
- Ariely, G. (2017). Why does Patriotism Prevail? Contextual Explanations of Patriotism across Countries. *Identities*, 24(3), 351–377. DOI: 10.1080/1070289X.2016.1149069
- Campello, F. (2020). Between Affects and Norms on the Emotive Limits of Constitutional Patriotism. *Comparative Sociology*, 19(6), 805–815. DOI: 10.1163/15691330-12341526
- Davidov, E. (2011). Nationalism and Constructive Patriotism: A Longitudinal Test of Comparability in 22 Countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 23(1), 88–103. DOI: 10.1093/ijpor/edq031

- Du, H. (2017). Place Attachment and Belonging among Educated Young Migrants and Returnees: the Case of Chaohu, China. *Population, Space and Place*, 23(1), e1967. DOI: 10.1002/psp.1967
- Erez, L., Laborde, C. (2020). Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal. *American Journal of Political Science*, 64(7), 191–203. DOI: 10.1111/ajps.12483
- Evans, C. (2016). Moving away or Staying Local: The Role of Locality in Young People's 'Spatial Horizons' and Career Aspirations. *Journal of Youth Studies*, 19(4), 501–516. DOI: 10.1080/13676261.2015.1083955
- Garcia-Arias, M. A., Tolon-Becerra, A., Torres-Parejo, U. (2021). The Out-migration of Young People from a Region of the "Empty Spain": Between a Constant Slump Cycle and a Pending Innovation Spiral. *Journal of Rural Studies*, 87, 314–326. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.008
- Goode, J. P. (2021). Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform. *Russian Politics*, 6(1), 112–129. DOI: 10.30965/24518921-00601007
- Gunko, M., Medvedev, A. (2018). Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth. *Journal of Economic and Human Geography*, 109(5), 661–676. DOI: 10.1111/tesg.12336
- Kao, Y. H., Sapp, S. G. (2020). Is Community Attachment a Determinant of Actual Migration? An Estimate of the Social Capital, Linear-Development, and Systemic Approaches. *Social Science Quarterly*, 101(1), 201–217. DOI: 10.1111/ssqu.12733
- Kashnitsky, I. (2020). Russian Periphery is Dying in Movement: a Cohort Assessment of Internal Youth Migration in Central Russia. *Geojournal*, 85(1), 173–185. DOI: 10.1007/s10708-018-9953-5
- Khimenes, A., Portil'o, D., Ardoy, L. (2021). Social Patriotism: Populist Glue for a Multinational Democracy. *National Identities*, 23(2), 127–148. DOI: 10.1080/14608944.2020.1735326
- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. (1999). On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174. DOI: 10.1111/0162-895X.00140
- Sekerdej, M., Roccas, S. (2016). Love Versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism. *British Journal of Social Psychology*, 55, 499–521. DOI: 10.1111/bjso.12142
- Silva, S., Silva, A., Cortés-González, P., Brazienè, R. (2021). Learning to Leave and to Return: Mobility, Place, and Sense of Belonging amongst Young People Growing up in Border and Rural Regions of Mainland Portugal. *Sustainability*, 13(16), 9432. DOI: 10.3390/su13169432

Статья поступила в редакцию 15.12.2022

Статья принята к публикации 29.01.2023

Для цитирования: Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю., Казанцев Д. А. Эмиграционные установки и образ патриота в сознании школьников СФО. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2023. Т. 24. № 1. С. 50–64.

EMIGRATION ATTITUDES AND THE IMAGE OF A PATRIOT IN THE MINDS OF SCHOOLSTUDENTS IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Ya. Yu. Shashkova, S. Yu. Aseev, D. A. Kazantsev

Yaroslava Y. Shashkova

E-mail: yashashkova@mail.ru, ORCID 0000-0002-6126-7097.

Sergey Yu. Aseev

E-mail: suass@mail.ru, ORCID 0000-0003-1095-4038.

Dmitry A. Kazantsev

E-mail: dimkazanchev@mail.ru, ORCID 0000-0001-7287-6413.

Altai State University, Lenina St., 61, Barnaul, 656049, Russia.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project "The patriotic education as a factor of the civic identity formation of senior students in Siberian Federal District regions in the information oriented society" No. 20-011-00346.

Abstract. The article examines the Siberian Federal District's high school students' perceptions regarding the content and a normative model of patriotism in the context of their attitudes toward emigration. On the basis of the mass survey results, researchers identified the influence of emigration attitudes of students in grades 8–11 on their self-positioning as patriots and their dominant model of patriotism. The cluster analysis yielded seven clusters that differ in terms of emigration attitudes, patriotic self-identification, and the normative model of the forms of behavior acceptable for a patriot. It has been established that high school students perceive the presence or absence of the desire to migrate into a foreign country as the basic criterion of patriotism. At the same time, the majority of school students in the studied youth environment consider themselves “non-patriots” because of their desire for external migration and the lack of opportunities for its practical implementation. The authors emphasize that models of “blind” and “civic” patriotism co-exist among high school students, and their ratio is determined by age and living standards of the said students. Activity-based content of patriotism is typical only for the students of the “patriots” cluster, who do not consider external migration for themselves, while the rest of the groups are more characterized by an emotional and contemplative interpretation of patriotism. The article focuses on exploring the structure of each cluster's identity and its priority foundations for national identity. Among young people, an all-Russian identity was found to prevail, with regional identities being weakly expressed. It was concluded that there is a kind of “vicious circle” in the minds of young people in the SFD regions: for most students, it is not the dominant model of patriotism and the associated assessment of the socio-political situation in the country that is the key factor in favor of the desire to emigrate, but socio-economic motives. Consequently, young people concentrate on finding better conditions for self-realisation abroad, do not consider themselves “patriots” and deliberately distance themselves from the sphere of patriotic education.

Keywords: youth, patriotism, youth migration, identity, political attitudes.

DOI 10.31429/26190567-24-1-50-64

References

- Ariely, G. (2017). Why does Patriotism Prevail? Contextual Explanations of Patriotism across Countries. *Identities*, 24(3), 351–377. DOI: 10.1080/1070289X.2016.1149069
- Baykov, A.A., Lukyanets, A.S., Pismennaya, E.E., Rostovskaya, T.K., Ryazantsev, S.V. (2018). Emigratsiya molodezhi iz Rossii: masshtaby, kanaly, posledstviya [Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 11, 75–84. DOI: 10.31857/S013216250002787-8
- Campello, F. (2020). Between Affects and Norms on the Emotive Limits of Constitutional Patriotism. *Comparative Sociology*, 19(6), 805–815. DOI: 10.1163/15691330-12341526
- Danakari, R. A. (2019). Patriotizm i druzhba narodov kak bazisnyye determinanty rossiyskoy tsivilizatsii [Patriotism and Friendship of Peoples as the Basic Determinants of the Russian Civilization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 24(5), 193–204. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.5.14
- Davidov, E. (2011). Nationalism and Constructive Patriotism: A Longitudinal Test of Comparability in 22 Countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 23(1), 88–103. DOI: 10.1093/ijpor/edq031
- Du, H. (2017). Place Attachment and Belonging among Educated Young Migrants and Returnees: the Case of Chaohu, China. *Population, Space and Place*, 23(1), e1967. DOI: 10.1002/psp.1967
- Erez, L., Laborde, C. (2020). Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal. *American Journal of Political Science*, 64(7), 191–203. DOI: 10.1111/ajps.12483
- Evans, C. (2016). Moving away or Staying Local: The Role of Locality in Young People's ‘Spatial Horizons’ and Career Aspirations. *Journal of Youth Studies*, 19(4), 501–516. DOI: 10.1080/13676261.2015.1083955

- Garcia-Arias, M. A., Tolon-Becerra, A., Torres-Parejo, U. (2021). The Out-migration of Young People from a Region of the “Empty Spain”: Between a Constant Slump Cycle and a Pending Innovation Spiral. *Journal of Rural Studies*, 87, 314–326. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.008
- Goode, J. P. (2021). Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia’s Constitutional Reform. *Russian Politics*, 6(1), 112–129. DOI: 10.30965/24518921-00601007
- Gunko, M., Medvedev, A. (2018). Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth. *Journal of Economic and Human Geography*, 109(5), 661–676. DOI: 10.1111/tesg.12336
- Kao, Y. H., Sapp, S. G. (2020). Is Community Attachment a Determinant of Actual Migration? An Estimate of the Social Capital, Linear-Development, and Systemic Approaches. *Social Science Quarterly*, 101(1), 201–217. DOI: 10.1111/ssqu.12733
- Karachurina, L. B., Mkrtychyan, N. V. (2017). Vozrastnyye osobennosti mezhregional’noy migratsii naseleniya v Rossii [Age Specifics of Interregional Migration in Russia]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4(96), 101–125. DOI: 10.15372/REG20170405
- Karachurina, L. B., Florinskaya, Yu. F. (2019). Migratsionnyye namereniya vpusknikov shkol mal’kh i srednikh gorodov Rossii [Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 6, 82–89.
- Kashnitsky, I. (2020). Russian Periphery is Dying in Movement: a Cohort Assessment of Internal Youth Migration in Central Russia. *Geojournal*, 85(1), 173–185. DOI: 10.1007/s10708-018-9953-5
- Khramova, M. N., Manshin, R. V. (2021). ezhdunarodnaya migratsiya v epokhu pandemii COVID-19 [International Migration during the COVID-19 Pandemic]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 159–162. DOI: 10.31857/S013216250013754-2
- Khimenes, A., Portil’o, D., Ardoy, L. (2021). Social Patriotism: Populist Glue for a Multinational Democracy. *National Identities*, 23(2), 127–148. DOI: 10.1080/14608944.2020.1735326
- Magaril, S.A. (2016). Smysly patriotizma — istoricheskiye transformatsii [Meanings of patriotism — historical transformation]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1, 142–151.
- Malenkov, V. V., Maltseva, N. V. (2020). Grazhdanstvennost’ i patriotizm v predstavleniyakh postsovetskogo pokoleniya [Citizenship and Patriotism in the Ideas of the Post-Soviet Generation]. *Sociologiya* [Sociology], 5, 152–162.
- Martynov, M. Yu., Fadeyeva, L. A., Gaberkorn, A. I. (2020). Patriotizm kak politicheskiy diskurs v sovremennoy Rossii [Patriotism as Political Discourse in Contemporary Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2, 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08
- Odintsov, A., Shipitsin, A., Marchenko, A.Y. (2020). Tsentrostremitel’naya migratsiya molodezhi iz rossiyskoy provintsii: prichiny i tendentsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3, 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788
- Rozhkova, L. V., Vasil’eva, N. D. (2014). Grazhdanstvennost’ i patriotizm kak osnovaniya sotsial’noy konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Citizenship and Patriotism as the Basis for Social Consolidation of Russian Society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3(121), 123–129. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.08
- Rozhkova, L.V., Dubina, A.S., Vlazneva, S.A., Salnikova, O.V. (2020). Patriotizm i jemigracionnye ustanovki molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Patriotism and Emigration Attitudes of Youth in Modern Conditions]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya* [Human. Society. Inclusion], 2(42), 17–27.
- Ryazantsev, S. V., Ochirova, G. N. (2021). Transformatsiya mezhdunarodnoy obrazovatel’noy migratsii vo vremena pandemii COVID-19 [Transformation of International Educational Migration during the COVID-19 Pandemic]. *Sotsial’noye prostranstvo* [Social Area], 7(4), DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3

- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. (1999). On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174. DOI: 10.1111/0162-895X.00140
- Sekerdej, M., Roccas, S. (2016). Love Versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism. *British Journal of Social Psychology*, 55, 499–521. DOI: 10.1111/bjso.12142
- Selezneva, A.V. (2017). Patriotizm kak politicheskaya tsennost': politiko-psikhologicheskii analiz [Patriotism as a Political Value: Political-Psychological Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 38, 200–208. DOI: 10.17223/1998863X/38/20
- Selezneva, A. V., Antonov, D. E. (2020). Tsennostnyye osnovaniya grazhdanskogo samosoznaniya rossiyskoy molodezhi [The Value Bases of the Civic Consciousness of The Russian Youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 58, 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21
- Silva, S., Silva, A., Cortés-González, P., Brazienè, R. (2021). Learning to Leave and to Return: Mobility, Place, and Sense of Belonging amongst Young People Growing up in Border and Rural Regions of Mainland Portugal. *Sustainability*, 13(16), 9432. DOI: 10.3390/su13169432
- Simonyan, R. H. (2017). Migratsionnyye nastroyeniya rossiyskoy molodezhi: regional'nyy aspekt [Migration Attitudes of Russian youth: a Regional Dimension]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6, 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16
- Vyalshina, A. A., Dakirova, S. T. (2020). Sotsiologicheskii analiz migratsionnykh nastroyeniy vpusknikov sel'skikh shkol [Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 28(1), 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183

Received 15.12.2022

Accepted 29.01.2023

For citation: Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu., Kazantsev D. A. Emigration Attitudes and The Image of a Patriot in The Minds of Schoolstudents in The Siberian Federal District. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 50–64.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).